Крах петербургского Российского торгового и комиссионного банка: причины и последствия

Павел Лизунов

Crash of Saint Petersburg Russian trade and commission bank: reasons and consequences

Pavel Lizunov (Northern (Arctic)

Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia)

Из всех акционерных коммерческих банков дореволюционной России менее всего известен находившийся в Санкт-Петербурге Российский торговый и комиссионный банк (Комиссионный банк). Он практически не упоминается в сочинениях по истории отечественных частных кредитно-финансовых учреждений. И тому есть причины. Во-первых, банк просуществовал менее шести лет, с 1887 по 1893 г. Во-вторых, он не обладал ни особым влиянием, ни солидным положением среди столичных банков. Тем не менее изучение деятельности Комиссионного банка, причин и последствий его банкротства имеет важное значение для понимания особенностей функционирования кредитных институтов, а также процессов, происходивших в российской экономике в конце XIX в.

Комиссионный банк был учреждён в 1887 г. группой петербургских и московских купцов и фирм с целью «содействия русской хлебной торговле»¹. Среди его учредителей – немало крупных хлеботорговцев (Н.Е. Башкиров, И.Ф. Духинов, И.Г. Конецкий, С.Т. Овсянников, И.С. Плотицын, Н.А. Селецкий). Самым активным участником его организации стал торговый дом «Братья Духиновы». 22 августа 1887 г. устав Комиссионного банка утвердил управляющий Министерством финансов И.А. Вышнеградский (в 1888–1892 гг. – министр финансов) на основании правил, изложенных в законе «Об учреждении частных кредитных установлений» от 31 мая 1872 г. (дополненном 5 апреля 1883 г.). По этому закону управляющий министерством имел право утверждать уставы частных коммерческих банков со складочным капиталом, не превышавшим 5 млн руб., по образцу уставов учреждённых в 1871 г. банков – Варшавского учётного, Тифлисского, Азовско-Донского, Кишинёвского и Ростовского-на-Дону². Им «дозволялись» – но только внутри страны – производство обычных банковских операций (учёт векселей, приём вкладов на хранение и на текущие счета и т.п.) и комиссионная торговля по поручениям и за счёт

© 2017 г. П.В. Лизунов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00076.

¹ Проект Устава Российского торгово-комиссионного банка. СПб., 1887. С. 3–38; Устав Российского торгового и комиссионного банка. СПб., 1888. С. 3–38; Биржевые ведомости. 1888. 2(14) февраля.

² ПСЗ-II. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50913. С. 757–759; ПСЗ-III. Т. 3. СПб., 1886. № 1484. С. 105–106.

частных лиц и торговых домов принадлежавшими им товарами. Продажа товаров за счёт самих банков запрещалась. В числе разрешённых Комиссионному банку операций (записанных в уставе) значилась комиссионная продажа хлебных товаров в России.

2 февраля 1888 г. состоялось первое общее собрание акционеров. Его председателем единогласно избрали одного из учредителей банка, крупного лесопромышленника А.Н. Русанова. Повестку дня приняли без каких-либо дебатов, а в результате состоявшегося голосования директором-распорядителем (и членом правления) банка стал Н.С. Петлин (подписавший контракт на четыре года), членами совета — П.М. Пожарский, Духинов, Русанов и Селецкий, а правления — И.И. Вейнер, А.Ф. Калугин, И.Г. Конецкий, И.С. Плотицын³.

Складочный капитал, с которым Комиссионный банк приступил к работе, составлял 1 млн руб., разделённый на 4 тыс. акций, по цене 250 руб. каждая. Однако к моменту открытия учреждения было внесено только 500 тыс. руб. Значительной данную сумму назвать нельзя, но два других российских банка — Петербурго-Московский коммерческий и Петербурго-Азовский — начинали действовать с таким же капиталом.

С 11 февраля 1888 г. Комиссионный банк официально начал совершать операционные действия. Сначала он располагался в здании страхового общества «Россия» (Невский проспект, 44), напротив Гостиного двора⁴. По мере расширения дел кредитному учреждению потребовалось более просторное и удобное помещение⁵, и оно «перебралось» в другой дом на том же проспекте — № 27. Также отделение банка (главное комиссионерство) открылось в Москве, на Большой Лубянке, в доме, принадлежавшем Ивановскому монастырю. Позже появились его саратовское и новгородское отделения, Гродненское комиссионерство и Козловское агентство. Корреспонденты и агенты банка действовали во многих городах.

Избранный директором-распорядителем банка статский советник Петлин был хорошо известен в финансовом мире по своей прежней должности — директора отделения процентных бумаг Государственного банка (1877—1882)⁶. Имея обширные связи, Петлин сумел убедить многих клиентов Государственного банка стать клиентами и Комиссионного. Ещё в 1886 г. к нему обратился биржевой маклер В.А. Красильников с интересным предложением — стать одним из учредителей нового акционерного банка. К тому времени Петлин из-за болезни (по другой версии, не поладил с управляющим Госбанка А.В. Цимсеном) уже оставил государственную службу, поэтому сразу принял это приглашение. Впрочем, некоторые полагали, что, выйдя в отставку и оказавшись не у дел, он и стал главным инициатором учреждения Комиссионного банка⁷.

Петлин, по оценке его сослуживцев и подчинённых, «умел “войти в душу” и в карман всякого человека независимо от возраста и пола». При наблюдательности, вынесенной из многолетней банковской деятельности, во время которой приходилось иметь дело с массой лиц разного класса и состояния, он «умел... “обворожить” каждого, умел найти подходящий разговор для всякого,

³ Петербургский листок. 1888. 10(23) февраля. № 40.

⁴ Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА Москвы), ф. 260, оп. 1, д. 6, л. 47.

⁵ Там же, л. 57—57 об.

⁶ Биржевые ведомости. 1888. 2(14) февраля.

⁷ Розенцвейг Г.О. Из залы суда: Судебные очерки и картинки. СПб., 1900. С. 318.

а в особенности с теми, в которых он видел... “дойных коров” для кассы банка». Этот человек обладал редкой способностью «заговаривать зубы» в тех случаях, когда клиент вследствие потерь на банковских операциях был расстроен или недоволен. Находчивость Петлина, его красноречие, умение «разводить бобы на воде», успокаивать недовольных, дипломатично изворачиваться в самые рискованные моменты отношений с нервными клиентами и акционерами банка «были поразительны»⁸.

Между тем во время двухлетнего директорства Петлина из-за рискованных операций с хлебными товарами и акциями Грязе-Царицынской железной дороги Коммерческому банку был нанесён значительный ущерб — около 350 тыс. руб. Из корыстных побуждений директор банка вместе с председателем его совета (Духинов), председателем (Конецкий) и членами правления (Калугин и Свищов) играли на бирже как за свой счёт, так и за счёт учреждения. Получаемую прибыль они присваивали себе, а от убыточных операций отказывались под тем предлогом, что не давали письменных поручений об их производстве. Потери оставляли на счёте банка или для их сокрытия разносили невыгодные сделки по счетам клиентов, без их ведома и согласия. Для спекулятивной биржевой игры «игроки» имели в банке специальные текущие счета *oncall*⁹: Конецкий и Калугин — собственные, Свищов — на имя своей жены, Духинов — собственного торгового дома «Братья Духиновы»¹⁰. Петлин проводил свои онкольные операции через счёт бывшего сослуживца по Государственному банку и приятеля Н.И. Богатырёва¹¹.

Злоупотребления по товарным операциям должностных лиц Комиссионного банка заключались в совершении в 1888—1889 гг. неразрешённой торговли хлебными товарами в больших размерах за счёт и риск банка. В отчёте за 1889 г. убытки от тех операций составили 117 029 руб., из них 76 125 руб. являлись «утратой» за 1888 г. — «по удостоверению» правления. Для сокрытия незаконности действий в его «распубликованном» отчёте за 1889 г. был ложно показан остаток принадлежавшего банку хлебного товара — как «остаток сумм за корреспондентами банка». Все подобные сделки были названы несоответствующим заглавием: «Комиссионные операции с товарами»¹².

Разумеется, директор-распорядитель, члены правления и совета банка не могли не знать, что совершаемые хлебные операции не имеют ничего общего с комиссионной продажей товаров. На состоявшемся 23 октября 1888 г. чрезвычайном общем собрании акционеров было решено ходатайствовать об изменении пункта 7 § 14 устава банка — о праве покупать и продавать за его счёт хлебные товары.

⁸ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 33 об.—34.

⁹ Онкольный кредит, или онколь (от англ. «on call») — специальный текущий счёт до востребования. Кредитные учреждения ссужали деньги в форме онколя под обеспечение ценных бумаг. При этом они имели право в случае падения биржевой цены заложенных бумаг требовать от клиентов возврата ссуды или увеличения обеспечения. В противном случае, заложенные бумаги банк продавал на бирже за счёт клиента, или «по их биржевой стоимости» они оставались за банком. В России с конца XIX в. почти вся биржевая торговля ценными бумагами совершалась при помощи онкольных операций. Ссуда могла оплачиваться по частям, а обеспечение — увеличено или уменьшено сообразно величине взятой ссуды.

¹⁰ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 61, л. 4—4 об.

¹¹ Там же, д. 57, л. 37—38.

¹² Там же, д. 61, л. 1—3.

Однако министр финансов Вышнеградский не признал возможным удовлетворить эту просьбу правления банка. 8 января 1890 г. решением последнего Петлин был снят с должности директора-распорядителя. Нанесённый им банку убыток — 250 тыс. руб. — восполнили акционеры, которые дополнительно внесли за каждую акцию по 62.5 руб.¹³ Недостающие 100 тыс. руб. были частично возмещены за счёт взыскания денег с разных лиц или списаны как «безнадёжная к поступлению» сумма¹⁴. Впрочем, сам Петлин заверял, что в Комиссионном банке он потерял «собственных» 40 тыс. руб. и «через это окончательно разорил себя»¹⁵.

В августе 1890 г. был избран новый директор-распорядитель — отставной надворный советник И.А. Слепушкин¹⁶. С 1862 по 1877 г. он занимал должности главного бухгалтера и директора одного из отделений Государственного банка. Затем Слепушкина пригласили в Волжско-Камский коммерческий банк. Здесь он прослужил более 13 лет, входил в состав совета банка и был членом его правления.

В Петербурге Слепушкин считался крупным спекулянтom на бирже и нашёл приличное состояние. После очередного тиража он скупал большими партиями выигрышные билеты, когда их цена незначительно падала. Затем он продавал эти билеты накануне нового тиража, когда они немного дорожали, и на них повышался спрос. Риск был ничтожным, а из-за большого количества билетов барыш оказывался солидным. Кроме того, до прихода в Комиссионный банк Слепушкин за свой счёт спекулировал на русских кредитных рублях и ценных бумагах на Берлинской бирже при посредничестве Уна, петербургского представителя банкирского дома «Братья Гутентаг»¹⁷.

При отставном надворном советнике в Комиссионном банке несколько поменялся состав администрации. В совет учреждения вошли М.П. Кропачёв, И.М. Максимов и М.В. Сабуров, в правление — В.А. Ламтев, В.А. Свишов. Благодаря удачной игре на бирже и выгодным операциям по товарному отделению дела банка сначала улучшились. По распоряжению Слепушкина учреждение производило спекулятивные операции на ассигновках на золото и металлические бумаги, но очень осторожно и в малых объёмах.

Пытаясь улучшить положение дел банка, Слепушкин заключил с Рязанско-Уральской железной дорогой весьма выгодный договор, по которому выдавались банковские ссуды под товары на всём протяжении дороги. Во многих городах были организованы агентуры, выдававшие ссуды под хлебные товары, которые потом принимались на комиссию в банк. По предложению директора-распорядителя банка его правление обратилось в Министерство финансов с просьбой о разрешении увеличить складочный капитал на 500 тыс. руб. Однако в этом было отказано, как и в закупке хлеба на счёт банка.

В июне 1891 г. товарищем Слепушкину был приглашён М.Ф. Цион (брат известного учёного-физиолога профессора И.Ф. Циона). В 1873—1874 гг. он служил корреспондентом в Петербургском отделении Варшавского коммерческого

¹³ Некоторые акционеры, не согласные с решением общего собрания о пополнении складочного капитала дополнительным взносом, затеяли процесс, оспаривая его законность. Сенат решил дело в их пользу.

¹⁴ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 59, л. 2 об.—3.

¹⁵ Там же, д. 57, л. 37 об.

¹⁶ Там же, ф. 260, оп. 1, д. 8, л. 17.

¹⁷ Там же, ф. 274, оп. 1, д. 60, л. 23—23 об.

банка, около 10 лет управлял банкирской конторой Л.С. Полякова в Москве, затем состоял директором двух французских банков в Париже, был биржевым «зайцем» (мелкий неофициальный маклер (посредник), в отличие от присяжного, официального маклера. — *П.Л.*) на Петербургской бирже. Он слыл искушённым специалистом в биржевых вопросах. Полагали, что его и пригласили ради проведения спекуляций с ценными бумагами и кредитным рублём. В Комиссионном банке Циону поручили заведовать курсовым, фондовым, онкольным и корреспондентским отделениями¹⁸.

При нём покупка и продажа ценных бумаг и иностранных векселей действительно оживились, и в течение нескольких месяцев была получена значительная прибыль по фондам и операциям с иностранной валютой. Только одно курсовое отделение после уплаты куртажа (комиссия или вознаграждение при сделке. — *П.Л.*), комиссий и прочих расходов дало около 86 тыс. руб. чистой прибыли. В 1891 г. почти все биржевые ценности «подвергались постепенному падению». Следовательно, Комиссионный банк играл на понижение ценных бумаг. Тогда все служащие банка буквально преклонялись перед Ционом, считая его «сверхъестественно умным и опытным в банковом деле человеком». Слепушкин также хвалил его, говоря, что «Цион обезьяну выдумал»¹⁹.

Как говорил секретарь (делопроизводитель) Комиссионного банка Н.А. Россовский²⁰, с приходом Циона началось «нашествие» на учреждение «всевозможных светлых и тёмных личностей разного возраста, веры и состояния»: биржевых маклеров, «зайцев», гешефтмахеров. Среди них были евреи, греки, поляки, турецкие и румынские подданные. Россовский утверждал: «Банк стал обращаться в какую-то синагогу, так много евреев набиралось по утрам и после биржи в помещение банка... Евреи, не стесняясь, забирались в комнату директора и правления, рассаживались там, курили отвратительный табак, галдели о своих гешефтах, совсем упуская из виду, где они находятся. С приходом директора и членов правления евреев нужно было “честью просить” о выходе; тогда они рассаживались в проходах, на всех стульях, имеющих для публики, садились на барьеры, с которых сходили только по настоятельной просьбе служащих. Евреи гуськом... толпились перед кабинетом Циона, заражая служащих своими операциями, сообщая воздуху в банке особый специфический элемент»²¹.

Из окружавших Циона биржевых маклеров и «зайцев» особенно выделялись А.М. Минковский, Г.А. Гиршфельд, Л.Ф. Томазини, Л.М. Блох и И.Г. Канн. «Как рой пчёл, так свита Циона окружала его постоянно целою толпой», — уверял служащий банка Н.Д. Матвеев²².

Правление банка хорошо знало, что Цион занимался биржевыми спекуляциями в нарушение устава, поскольку директор-распорядитель, члены правления и совета банка, а также некоторые его служащие сами спекулировали

¹⁸ Там же, ф. 260, оп. 1, д. 8, л. 90, 92 об.; ф. 274, оп. 1, д. 60, л. 30.

¹⁹ Там же, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 63—63 об.

²⁰ С февраля 1889 по 1893 гг. Н.А. Россовский заведовал в банке отделом «Секретариат» (наблюдал за персоналом, вёл переговоры по не входившим в рамки операционных отделов делам, переписку с правительственными учреждениями и провинциальными филиалами, корреспонденцию конфиденциального характера и протоколы правления и совета банка, следил за его судебными делами). См.: *Дмитриев-Мамонов В.А., Евзлин З.П.* Организация и техника коммерческого банка. СПб., 1916. С. 4—5; ЦГА Москвы, ф. 260, оп. 1, д. 6, л. 47.

²¹ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 50—50 об.

²² Там же, д. 60, л. 30.

на бирже за свой счёт через курсовое отделение²³. Сначала никто из членов администрации учреждения не выражал неудовольствия по поводу действий Циона. Затем счастье изменило ему. Его спекуляции на бирже на понижение курса иностранной валюты, а также курса рубля и фондов в Берлине и Париже оказались неудачными.

В 1892 г. все биржевые ценности, за некоторым исключением, почти постоянно шли на повышение, тогда как Комиссионный банк продолжал «понижательную игру» относительно ценных бумаг, курса рубля и операций с хлебом. В 1892 г. по иностранному отделению банка убыток составил более 577 тыс. руб., в 1893 г. — около 145 тыс. руб., по отделению фондов — соответственно 188 и 244 тыс. руб.²⁴ Кроме того, «на долгах», не выплаченных учреждению разными спекулянтами, оно потеряло около 300 тыс. руб.²⁵, в результате лишившись значительной части основного капитала.

Товарное отделение Комиссионного банка также занималось недозволенными операциями: покупкой и продажей товаров за свой счёт и риск в России и за границей; спекуляцией или биржевой игрой, состоявшей в покупке и продаже на срок на Берлинской бирже хлебных товаров на разницу в цене. Бывали случаи, когда при понижении цен, чтобы не платить разницы, банк поручал принимать в срок товар, держать его на складах в ожидании повышения цен или откладывал сделки. Товарное отделение в 1891 г. активно спекулировало «на рубли» в Берлине и «на фунты» в Петербурге. Срочные берлинские сделки на хлеб дали в тот год 9 970 руб. убытка, который не был представлен в годовом отчёте. Потери покрыли прибылью, полученной от экспорта хлеба — свыше 80 тыс. руб.²⁶ В 1892 г. Комиссионный банк в результате крайне неудачных операций на хлебе получил уже около 250 тыс. руб. убытка²⁷.

Из-за биржевой игры с иностранной валютой, фондами и товарными операциями у банка возникли финансовые проблемы²⁸. По инициативе Слепушкина и Циона учреждение приняло в залог акции (на 400 тыс. руб.) ещё не утверждённого министром финансов страхового и транспортного общества «Россиянин». Одновременно на ту же сумму «для усиления обеспечения» были взяты векселя членов правления этого общества. Надлежащую по этому залоговую сумму банк «Россиянину» не выдал, а определил на его текущий счёт. От его правления взяли подписку о том, что оно не будет требовать этих денег. Заручившись такой гарантией, Комиссионный банк представил в Министерство финансов документ (удостоверение), подтверждающий, что общество внесло в банк 400 тыс. руб. акционерного капитала. На основании этого удостоверения финансовое ведомство признало «Россиянина» состоявшимся, а Комиссионный банк начал продавать находившиеся у него в залоге акции этого общества вырученными деньгами и пополнять выданную ссуду. На замечания некоторых сотрудников банка о невыгодности операции и её несоответствии уставу кредитного учреждения Слепушкин отвечал, что она имеет тройное

²³ Там же, д. 57, л. 65, 66 об.

²⁴ Там же, л. 63–63 об., 78.

²⁵ Отчёт Российского торгового и комиссионного банка за 1891 год. СПб., 1892; Петербургский листок. 1893. 24 июня. № 170.

²⁶ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 60, л. 68–68 об.

²⁷ Там же, д. 57, л. 51 об.

²⁸ Там же, д. 59, л. 3–3 об.

обеспечение (акции, векселя и, главное, подписки правления общества «Россиянин») и исключает возможность какой-либо потери²⁹.

Такие же не допустимые уставом операции были произведены и с бумагами обществ: «Цехоцинское товарищество», по выделке Бабаевского огнеупорного состава и «Отечество». С ними дела обстояли ещё хуже, так как никаких взносов от них банк не получил. Кроме того, паи и акции этих обществ не котировались на бирже и принесли Комиссионному банку лишь значительные потери³⁰.

В ноябре 1892 г. Слепушкин и Цион ввиду сложившегося критического положения дел (убытки уже достигли 600–700 тыс. руб.) решили объединить Российский торговый и комиссионный банк с Русским торгово-промышленным (Промышленным). Идея их слияния была очень смелой, даже гениальной. Слепушкин полагал, что при таком объединении банков со складочным капиталом в 6 млн руб. «потонут все минусы и потери Комиссионного банка»³¹.

Возникший вскоре синдикат, организаторами которого стали Духинов, Ламтев, Свишов, Слепушкин, Кропачёв и Цион, купил у французской группы акционеров Промышленного банка 13 тыс. акций – по 270 руб. за каждую (но их биржевая цена в то время колебалась от 226 до 246 руб.). Для этой покупки вышеперечисленные лица не предоставили наличных денег Комиссионному банку, несмотря на его финансовую несостоятельность. Однако он приобрёл акции для синдиката и заложил их в других кредитных учреждениях, в том числе в Промышленном банке.

11 апреля 1893 г. на общем собрании акционеров Промышленного банка было объявлено о том, что синдикат завладел более чем половиной всех его акций. В тот день лишь Э.Э. Познанский представлял правление банка, а остальные его члены – барон П.Л. Корф, П.П. Берг, Вертгель, Р.Ж. де Лобштейн – в разное время выбыли из него. Накануне собрания акционеры получили от Слепушкина предварительный список будущих членов правления и совета Промышленного банка. В результате голосования в правление были избраны «намеченные лица»: Б.М. Кричевский, Духинов, Кропачёв, Ламтев, Свишов и Цион (в качестве управляющего банком). Участники синдиката не сдержали данного Слепушкину обещания – избрать его директором-распорядителем Промышленного банка. Оказалось, что по разным причинам бывшие коллеги Слепушкина по Комиссионному банку не захотели его видеть среди членов правления Промышленного³².

Однако слияние этих банков, предлагавшееся при образовании синдиката, оказалось невозможным. По действовавшему российскому законодательству подобное объединение двух акционерных компаний – на основании обычных решений их общих собраний – не допускалось. Поэтому участники синдиката выбрали другой способ: ликвидировать одно кредитно-финансовое учреждение, одновременно увеличив капитал другого посредством выпуска новых акций на сумму, равную основному капиталу устранённого. Казалось естественным, что крупный Промышленный банк (с 5 млн основного капитала)

²⁹ Там же, д. 57, л. 9 об.–10.

³⁰ Там же, д. 59, л. 5.

³¹ Там же, д. 63, л. 7.

³² Там же, д. 60, л. 10 об.

с хорошей репутацией поглотит маленький — Коммерческий (1 млн) посредством выпуска акций только на 1 млн руб.³³

Устроившись в Промышленный банк, бывшие заправила Комиссионного забыли свои обязательства по отношению к нему. Отказываясь помогать этому банку, они даже стали враждебно к нему относиться. Для укрепления своего «нового положения» им надо было заполучить из Комиссионного банка 13 тыс. акций Промышленного, чтобы на следующем общем собрании его акционеров имевший особое влияние Слепушкин не уволил их «от занятых должностей».

Тем временем все попытки директора-распорядителя Комиссионного банка Слепушкина договориться с организаторами синдиката оказались безуспешными. Его успокаивали, обнадеживали обещаниями, но никто не собирався спасать ни его, ни банк. Затем на бирже стали распространять слухи о его серьёзных проблемах и возможно скором банкротстве. Акции банка стали резко падать в цене, а вкладчики начали снимать деньги с его счетов.

22 июня 1893 г. Комиссионный банк закрылся в обычное время. 23 июня все его служащие к 10 ч были на своих местах. Однако операции в тот день не производились, не открылась и касса. Стало известно, что накануне вечером Слепушкин в своём доме (Мытницкая набережная, 2) пытался покончить с собой двумя выстрелами из револьвера. Поводом для этого стали крупные потери банка и убеждение в невозможности исправить дело. Выяснилось, что с 12 до 15 ч он занимался делами в банке и казался спокойным и нормальным, около 16 ч вернулся в свой роскошный дом, сказал жене, чтобы подавали обед, а сам направился на выходящую в сад крытую террасу. Вдруг оттуда последовательно один за другим раздались два выстрела. Супруга бросилась на террасу и увидела мужа, истекающего кровью, на полу. Немедленно пригласили трёх врачей, которые уложили раненого на диван в кабинете и перевязали раны. В 23 ч состоялся консилиум врачей, признавших, что состояние Слепушкина критическое, хотя нельзя терять надежды ввиду его крепкого организма и цветущего здоровья. И действительно, под утро раненый пришёл в себя и почувствовал значительное облегчение. Хирурги Зосс и Бус выяснили, что одна из пуль прошла навывлет, не задев сердца, другая — застряла в плече³⁴.

Директор Комиссионного банка написал два предсмертных письма, одно из которых предназначалось сыну Александру, офицеру, служившему в Финляндии. Слепушкин убеждал сына трудиться и своими «блестящими успехами хотя бы отчасти очистить и затемнить (так в источнике. — П.Л.) печальную кончину отца». В другом письме (на шести листах), адресованном жене Марии Петровне, он просил простить его, что не оставил ей «ничего на чёрный день». «Если бы ты знала, — писал он, — какими подлецами я был окружён в Комиссионном банке, ты ужаснулась бы. Один подлец, выдававший фальшивые векселя от имени своего торгового (несуществующего) дома, оскорблял меня более всех, постоянно требовал от меня денег и денег, все убытки от спекуляций в банке относил на несуществующий свой торговый дом, все прибыли брал себе, говоря, что дело он делал от себя лично. Другой подлец не стеснялся при каждом случае требовать вознаграждений и всяких комиссий в крупных тысячных суммах, угрожая погубить банк. Третий погубил банк своими спекуляциями, а я несу за него ответственность. Все старались только брать из банка деньги, не доверяя банку и ничего в него не внося. Я всё своё

³³ Там же, л. 14 об.

³⁴ Петербургский листок. 1893. 23 июня. № 169.

денежное состояние, какое у меня осталось после Волжско-Камского банка, около 100 т[ыс.] руб. оставил в Комиссионном банке, поддерживая цену его акций»³⁵.

23 июня 1893 г. Комиссионный банк ещё до своего открытия получил из Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов извещение о назначенной по распоряжению министра финансового ведомства проверке дел банка. Министерство было в курсе того, что вследствие понесённых по своим операциям убытков банк потерял почти весь складочный капитал. Поэтому данному кредитному учреждению было предложено прекратить дальнейший приём вкладов³⁶.

Выяснилось, что в день покушения Слепушкина на самоубийство векселя Комиссионного банка были опротестованы, и он даже без «распоряжения правительства» закрыл бы свои двери. 23 июня, около 13 ч, в его помещение явились лица прокурорского надзора Санкт-Петербургского окружного суда, начальник сысковой полиции П.С. Вошинин, его помощник Л.А. Шереметевский и агент. В присутствии понятых, опечатав все столы, шкафы, конторки, кассу и всё помещение³⁷, они приступили к описи всего наличного имущества банка, его торговых книг и прочих документов³⁸. У входа в помещение был поставлен дежурный городской.

Между тем на Невском проспекте перед банком собралась толпа, в основном его клиенты, кредиторы, вкладчики и должники. Все интересовались как положением дел банка, так и состоянием здоровья Слепушкина. Чтобы избежать скопления народа, на запертых дверях банка вывесили объявление: «Ввиду внезапной болезни г[осподина] директора и по распоряжению правительства банк закрыт до 26 июня».

Общее собрание акционеров несчастного банка, которое должно было решить его судьбу, назначили на пятницу, 25 июня. Впрочем, это уже сделала Петербургская биржа. Ещё недавно номинальная цена акции Комиссионного банка достигала 250 руб., а в середине июня — всего 75 руб. Падение его акций постепенно усиливалось, и 23 июня они вовсе перестали котироваться.

После банкротства Комиссионного банка его несостоятельность стала предметом оживлённого обсуждения среди обывателей, в прессе, банках и на бирже. Одни полагали, что главной причиной краха стал отказ Циона от завывания хлебными операциями экспорта, другие — что всему виной общество «Россиянин», на акции которого банк «ухлопал» 400 тыс. руб., т.е. 40% своего складочного капитала. Третьи уверяли, что банк погубили его бесчисленные агенты и коммисонерства, выдававшие огромные ссуды под хлебные товары. Высказывались также различные варианты и предположения относительно «нового банковского краха»³⁹.

О положении дел лопнувшего банка судили на основании опубликованных сведений о его апрельском балансе (состоянии актива и пассива к 1 мая 1893 г.). В петербургской кассе банка, например, имелось около 143.5 тыс. руб., в саратовской, а также у коммисонеров банка — до 151.5 тыс. руб. Однако эти цифры, вероятнее всего, не соответствовали истинному положению дел, так как

³⁵ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 3 об.—4.

³⁶ Там же, д. 59, л. 6.

³⁷ Там же; д. 57, л. 76 об.

³⁸ Петербургский листок. 1893. 25 июня. № 171.

³⁹ Там же. 24 июня. № 170.

июньское месячное жалование петербургским служащим выдали не из кассовых средств, а из личных денег Слепушкина. Саратовское же отделение прекратило платежи по текущим счетам, потому что его касса имела очень мало наличных средств или их не было совсем. Следовательно, эта статья баланса Комиссионного банка оказалась близка к нулю.

Кроме того, хотя вексельный портфель Комиссионного банка составлял внушительную сумму — около 1.5 млн руб., он был уже переучтён в других частных кредитных учреждениях. Раздел срочных ссуд под залог процентных бумаг, согласно балансу к 1 мая, превышал 800 тыс. руб. Однако некоторые из них были значительно ниже биржевой курсовой цены, а потому их реализация могла дать значительно меньшую сумму. То же относилось и к «онкольным ссудам», которых у банка на 1 мая было более чем на 1.5 млн руб. Но в их состав входили крайне «трудно реализуемые» ценности, вроде бумаг «Россиянина», «Отечества» и «Цехоцинского товарищества». К этой статье, представлявшей известную ценность, при реализации можно было отнести и ссуды под залог товаров, железнодорожных квитанций и коносаментов (расписки, выдаваемые перевозчиком груза грузовладельцу, удостоверяющим право собственности на отгруженный товар. — *П.Л.*). В мае их общая ценность составляла 399 468 руб., но она успела «раствориться» к началу июня. Что же касается портфеля гарантированных и не гарантированных правительством ценных бумаг, то к 1 мая он «стоил» 255 420 руб. По слухам, запасные капиталы банка — 68 264 руб. — тоже едва ли были целы.

Весьма «не надёжным и запутанным» оказался отдел корреспондентских счетов, употреблявшихся в большинстве случаев для сокрытия различного рода «банковских грешков». То же относилось к принадлежавшим банку тратам (переводным векселям. — *П.Л.*), золоту и таможенным купонам, которых к 1 мая было 379 846 руб. наличными. Вероятно, и эти ценности, особенно легко реализуемые (золото и таможенные купоны), также уже использовали в банковских операциях.

К маю 1893 г. по одним только вкладам на текущие счета Комиссионный банк «задолжал» 2 219 599 руб. Кроме того, сумма переучтённых им в других банкирских учреждениях векселей составила 1 473 544 руб. К этому надо добавить долги от проданных в рассрочку выигрышных билетов, которых банк имел около 4 тыс.⁴⁰

Газета «Биржевые ведомости» писала, что причина постигшего этот банк несчастья заключалась в несоответствии имевшихся у него средств и грандиозной деятельности, проводившейся его новым правлением (приступило к работе за три года до этого). Имея в своём распоряжении лишь 1 млн руб. складочного капитала (значительно сократившегося от понесённых учреждением убытков ещё в первые годы его существования), правление решило превратить банк в главную артерию русской экспортной и импортной торговли, для чего были открыты отделение в Саратове и целая сеть агентств и комиссионерств чуть ли не во всех более или менее крупных городах России. Более того, правление задумало занять видное место среди учредителей новых акционерных обществ, на поддержку которых банк затратил более половины собственного уставного капитала⁴¹.

⁴⁰ Там же. 26 июня. № 172.

⁴¹ Новое время. 1893. 24 июня (3 июля). № 6220.

24 июня в Санкт-Петербургский коммерческий суд от общества Рязанско-Уральской железной дороги и фирмы «Братья Кропачёвы» поступили ходатайства «об открытии несостоятельности» Комиссионного банка. Размер предъявленного иска составил 1.6 млн руб. Помощник секретаря суда доставил в банк три повестки в суд. Первую, на 26 июня, направили по требованию Рязанско-Уральской дороги и Промышленного банка, вторую и третью (на 28 июня) — на основе исков (50 тыс. руб. каждый) со стороны Международного коммерческого банка⁴².

25 июня перед общим собранием акционеров, около 18 ч, подъезд разорившегося банка стали осаждать владельцы его акций. К 20 ч съехались около 100 человек. Оказалось, что многие из них явились на общее собрание, не предоставив заблаговременно (за 2 недели) в кассу банка принадлежавшие им акции, как того требовал устав. Все эти лица, несмотря на долгие препирательства с единственным представителем администрации банка, членом правления Э.М. Готским-Даниловичем и находившимся в наряде полицейским офицером, в конце концов, были вынуждены покинуть помещение. Собрание началось почти в 22 ч. Всего было представлено 1 800 акций с правом на 54 голоса. Председателем собрания избрали генерал-майора армейской кавалерии Готского-Даниловича.

Находившиеся сначала в сильно возбуждённом состоянии акционеры затем успокоились и стали обсуждать безрадостное положение своего банка. Собрание отказалось от рассмотрения его отчёта за 1892 г., так как он не был подписан ни одним из членов администрации этого кредитного учреждения. Большинство его членов правления и служащих незадолго до «краха» уже получили места в Промышленном банке (в том числе Г.Г. Штейнер, заведовавший товарным отделением Комиссионного банка, и Л.Р. Сениус — иностранным).

На основании устава Комиссионного банка его правление должно было состоять из четырёх человек, между тем в нём остался только один. Поэтому избрали новый состав правления: А.И. Орловский, Н.Н. Платонов, Россовский и Горский-Данилович (был утверждён, так как состоял в нём с 20 мая 1893 г.). Этим людям поручили «истребовать» отчёт от «старого» правления и всесторонне проверить как его работу, так и всё делопроизводство банка вместе с вновь избранной ревизионной комиссией. Результаты ревизии необходимо было через месяц представить новому общему собранию акционеров. Те недели правление правом представлять банк в качестве юридического лица во всех судебных делах и прочих гражданских правоотношениях⁴³.

26 июня состоялось заседание Коммерческого суда по рассмотрению исков к Комиссионному банку. Со стороны истцов выступили присяжный стряпчий Кричевский и присяжный поверенный В.М. Рубинштейн, заявив, что банк не оплатил своих долговых обязательств. Неплатёж подтверждался нотариальными протестами по неоплаченным векселям со стороны Рязанско-Уральской железной дороги, Промышленного и Международного коммерческого банков.

В качестве представителя интересов Комиссионного банка выступил Платонов. Он заявил, что новое правление ещё не имеет полных данных о платёжной способности банка, его активе и пассиве, однако, несомненно, его материальное положение не так безотраднo. Неоплаченные платежи (основа ходатайств истцов), отметил выступавший, оказались таковыми лишь вследствие

⁴² Петербургский листок 1893. 26 июня. № 172.

⁴³ Там же.

их предъявления в момент, когда у банка как юридического лица не было официального представителя: одни члены правления «вышли из состава администрации», а директор-распорядитель «внезапно заболел».

После почти полуторачасового заслушивания сторон Коммерческий суд принял резолюцию, в которой признал Комиссионный банк несостоятельным должником. Присяжными попечителями были назначены петербургские купцы 2-й гильдии А.-И. Кениг и В.Г. Басков, а «общее наблюдение» за их действиями возложили на члена суда Н.А. Лоссовского⁴⁴.

3 июля, во втором часу дня, в помещении того же суда состоялось общее собрание кредиторов Комиссионного банка под председательством присяжного попечителя купца Баскова. Сюда явились кредиторы, имевшие претензии к банку на 400 тыс. руб., но вне собрания осталось немало тех, кто не успели заявить о своих притязаниях.

В установленном судом порядке была учреждена Ликвидационная комиссия по делам банка. По её расчётам, представленным на судебном заседании Санкт-Петербургской судебной палаты, сумма заявленных к несостоятельному кредитному учреждению претензий составила 1 735 тыс. руб., при этом ожидалось поступление дополнительных претензий в размере 335 тыс. руб. (независимо от потери всего основного капитала в 1 млн руб.). В итоге общие убытки банка равнялись 3 070 тыс. руб., но на их покрытие в комиссию поступило всего лишь 964 тыс. руб.

10 июля в помещении Комиссионного банка закончилась сдача кассовых ценностей. Оказалось, что в момент «краха» в кассу банка (6 669 руб. 5 коп.), кроме разменного фонда, входили прочие ценности в виде гербовых марок. Далее шли ничего не стоившие процентные бумаги в виде 290 паёв (по 1 тыс. руб.) несостоявшегося «Цехоцинского товарищества» и 2 500 акций (по 250 руб.) общества «Россиянин». Имелось также некоторое количество собственных акций банка. Что же касается векселей, то большинство их можно было отнести к «сомнительным». Некоторые из них (на значительные суммы) оказались просроченными и не опротестованными банком⁴⁵.

Следствие о злоупотреблениях в этом банке вёл энергичный и талантливый судебный следователь по особо важным делам Санкт-Петербургского окружного суда А.В. Бурцов⁴⁶. В ходе расследования допросили немало обвиняемых и свидетелей. Самые подробные показания дал Россовский. До того, как стать делопроизводителем Комиссионного банка, он служил в Государственном банке, кроме того, был известен как театральный критик и журналист (в 1890–1900-х гг. сотрудничал в газете «Петербургский листок» и других столичных изданиях). Поэтому показания Россовского – настоящие художественные эссе, содержащие весьма яркие и образные картины жизни банка и портреты банковских заправил, – существенно повлияли, видимо, и на Бурцова, и на ход расследования, и даже на формулировку заключительного обвинения. Поверенный Г.О. Розенцвейг отмечал по этому поводу: «По всему обвинительному акту рассеяны блёстки его (Россовского. – П.Л.) красноречия, что везде видна его индивидуальность, его профессия... странно поражает чередование важно-торжественного тона, соответствующего вполне... сухой и скучной материи, о которой трактует этот документ, с игриво-легкомысленным фельетонным

⁴⁴ Там же. 27 июня. № 173.

⁴⁵ Там же. 11(23) июля. № 187.

⁴⁶ Русское слово. 1910. 4(17) февраля. № 27.

жанром, оживляющим фон мрачной картины и несколько напоминающим такое же чередование опереточной темы со звуками строгого хора»⁴⁷.

Во время следствия Россовский достаточно подробно рассказал об атмосфере, царившей в Комиссионном банке: «Содом и Гоморра стояли в это время в ционском кабинете; французская, немецкая с известным еврейским акцентом речь преобладали над испорченною русскою. Тут удачно схватив известие, слух, мнение, одни наживали себе состояние, другие, неудачно утилизовав то же самое, проигрывали всё, что имели своё и... чужое. Тут, плотно позавтракавшие и умеренно подвыпившие биржевые дельцы и паразиты нарушали все заповеди, обходили все §§ банковых и кредитного уставов; происходила маклерская вакханалия, совершался разнузданный танец убийственных слов прелюбодеев мысли и цифр. “Зайцы”, ходившие в обтрёпанных костюмах и чуть ли не в опорках, имевшие для задатка несколько сот рублей, тоже, вероятно, признанных, выигрывали на антипатичном деле спекуляции на понижение русского рубля – целые состояния, переоблачались в смокинги, в дорогие шубы, заводили собственные экипажи и лошадей. И обратно, люди, имевшие некоторое состояние, разъезжавшие в ландо на резиновых шинах, поневоле перешли на резиновые галоши. Фотографируя этих людей в разные фазисы из биржевого счастья, можно было бы составить интересную и поучительную коллекцию жизненных и характерных портретов банковых игроков»⁴⁸.

В качестве экспертов по фондовым и курсовым операциям следователь Бурцов пригласил товарища управляющего Санкт-Петербургско-Азовского коммерческого банка Л.Л. Габриловича, главного бухгалтера Государственного банка С.М. Александрова, старшего контролёра того же банка А.В. Калашникова и чиновника по особым поручениям Министерства финансов И.И. Палтова. Согласно их общему заключению, Комиссионный банк вёл «большую игру» с иностранной валютой не только за собственный счёт, но и за счёт своих клиентов. Ввиду того что биржевой курс постоянно сильно колебался, банк делал спекулянтам разные поблажки в виде отсрочек приёма валюты или её сдачи с одного месяца на другой. Это привело к возникновению «крупных разниц» в пользу банка (деньги, сразу не выплаченные спекулянтами, записывались за ними в качестве долга и со временем достигли весьма крупных сумм). При этом, как свидетельствуют записи в книгах разорившегося банка, он регулировал эти сделки за свой счёт и, следовательно, платил возникавшие «разницы» другим российским и заграничным банкирским учреждениям⁴⁹.

Экспертизы фондовых сделок подтвердили, что Комиссионный банк вёл масштабную игру с разными ценными бумагами, продавая их в большом количестве со сдачей в течение трёх дней и покупая таковые у разных лиц, в основном биржевых спекулянтов, на срок от одного до двух и более месяцев. Неоднократно для сдачи проданных акций это кредитное учреждение брало их из заложенных у него бумаг по счетам *oncall* или заимообразно у других банкирских учреждений и частных лиц. Когда наступал срок приёма банком ценных бумаг от продавцов, последние их часто (из-за «крупных разниц» от повышения цен на акции) просто не сдавали. Приём этих акций банк откладывал на следующие месяцы. При этом разница в цене в его пользу не уплачивалась, а записывалась за спекулянтами в качестве долга. Ввиду того, что сделки на срок тогда

⁴⁷ Розенцвейг Г.О. Указ. соч. С. 279.

⁴⁸ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 51.

⁴⁹ Там же, д. 62, л. 10.

ещё не были официально разрешены, то «разницы» по ним взыскать с должников законным порядком не представлялось возможным. Потому такие сделки попадали в «раздел убытков банка»⁵⁰. Эксперты также подтвердили, что хлебные операции Комиссионного банка производились за его счёт, но были записаны как комиссионные операции, что не соответствовало действительности.

Предварительное следствие по делу о злоупотреблениях в Российском торговом и комиссионном банке продолжалось почти три года, до 1896 г. В результате главными виновниками его краха признали: обоих директоров-распорядителей – Петлина и Слепушкина, товарища директора-распорядителя Циона, председателя совета банка Духинова, членов правления банка Конецкого, Калугина, Ламтева, Плотицына и Свищова.

В ходе 5-недельного (20 марта – 25 апреля 1897 г.) судебного разбирательства Санкт-Петербургской судебной палатой (в особом присутствии с участием сословных представителей) дела о злоупотреблениях в Комиссионном банке трое из обвиняемых – Калугин, Конецкий и Плотицын – были признаны невиновными и оправданы. Духинова, Циона, Петлина, Слепушкина и Свищова приговорили к лишению всех прав и преимуществ, ссылке на жительство в Иркутскую, Томскую и Архангельскую губернии. После 12-летнего пребывания там они получали право свободного избрания места жительства в пределах Европейской и Азиатской России, за исключением столиц и столичных губерний. Осуждённые должны были возместить убытки, причинённые их преступными действиями, а также судебные издержки. Слепушкина не отправили в ссылку. Вскоре после суда он скончался, вероятно, сказавшись ранение и пережитое им нервное потрясение.

Это чрезвычайно сложное дело окончательно завершилось 12 декабря 1897 г., когда в Правительствующем Сенате оно «слушалось по кассационным жалобам подсудимых». Решением IV отделения Уголовного кассационного департамента Сената все жалобы были оставлены без последствий⁵¹.

Ещё до оглашения решения Кассационного департамента Сената Цион тайно сбежал в Финляндию. Слепушкин через год умер. Из всех осуждённых лишь Свищов не только не согласился с решением суда, но и опубликовал две работы, посвящённые делу о злоупотреблениях в Комиссионном банке⁵², пытаясь «реабилитировать себя, если не в глазах правосудного ока... то в глазах общества»⁵³.

Так закончилось существование Российского торгового и комиссионного банка, но Ликвидационная комиссия по делам о его несостоятельности работала до 1913 г. Однако если кредиторы ещё в 1898 г. получили по 30 коп. за каждый рубль, вложенный в банк, то пострадавшим от его «краха» не возместили даже половины их потерь.

⁵⁰ Там же, л. 11.

⁵¹ См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 243, оп. 1, д. 228; ф. 254, оп. 1, д. 15436, 15460; ф. 356, оп. 2, д. 68, 69; ф. 965, оп. 1, д. 456; Дело о злоупотреблениях в Российском торговом и комиссионном банке // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 4. С. 232–266; Определение Правительствующего Сената по делу о злоупотреблениях в Российском торговом и комиссионном банке // Там же. 1898. № 6. С. 195–226.

⁵² Записка В.А. Свищова по делу о злоупотреблениях в Комиссионном банке. Выписка из отчёта Комиссионного банка за 1891 год. СПб., 1897; Исповедь осуждённого по делу Российского торгового комиссионного банка В.А. Свищова. СПб., 1900.

⁵³ Исповедь осуждённого... С. 3.

Банки, как и все коммерческие предприятия, в силу объективных и субъективных причин переживали спады, кризисы и банкротства. В истории до-революционных российских банков известно несколько крупных банкротств: Московского коммерческого ссудного банка (1875), Одесского коммерческого банка (1878), Кронштадтского коммерческого банка (1879), Скопинского городского общественного банка (1882) и др. Несостоятельность даже одного банка, связанного многочисленными деловыми отношениями с другими кредитными учреждениями, Государственным банком, фондовой биржей, негативно отражалась на всей банковской системе страны. Произошедшие во второй половине 1870 — начале 1880-х гг. «расстройства» акционерных, городских общественных банков и банкирских заведений поставили на очередь вопрос «о порядке производства ликвидации кредитных учреждений». Возникла необходимость издания особых правил для конкурсного производства по делам кредитных учреждений, «впавших в несостоятельность», а также определения точных оснований для их ликвидации. Кроме того, в Министерство финансов поступали многочисленные жалобы на злоупотребления лиц, стоявших во главе частных банков.

В конце 1883 г. в министерстве подготовили проект «Правил о порядке ликвидации дел частных и общественных установлений краткосрочного кредита», который был рассмотрен в Государственном совете. 22 мая 1884 г. «Правила...» были высочайше утверждены⁵⁴. С изданием этого закона упростилась процедура ликвидации банков, пришедших в расстройство или несостоятельность. В соответствии с этим законом были назначены правительственные комиссии по делам разорившихся Владикавказского городского общественного банка, Орловского и Козловского обществ взаимного кредита, а также Российского торгового и комиссионного банка.

Пытаясь устранить широкомасштабную спекулятивную игру на курсе русского кредитного рубля с участием многих российских банков (в том числе Комиссионного) и банкирских домов, министр финансов Вышнеградский в конце 1880 — начале 1890-х гг. осуществил ряд мер, направленных на упорядочение вексельного курса и денежного обращения. В 1893 г. финансовое ведомство решило окончательно прекратить любую спекуляцию банков на курсе рубля и оградить от «судорожных колебаний» цену на международном рынке. Для этой цели 16 января 1893 г. был опубликован циркуляр Особенной канцелярии по кредитной части, обращённый ко всем частным банкам, банкирским домам, конторам и другим учреждениям коммерческого кредита. Их ставили в известность, что не только непосредственное, но даже косвенное участие в биржевой игре на курсе рубля не останется без соответствующих последствий. Министр финансов С.Ю. Витте предостерегал, что будет вынужден «закрыть для таких учреждений всякие счета в Государственном банке, а в крайних случаях прибегнуть и к более решительным мерам, исходя из убеждения, что подобные случаи могут иметь место только при явной и упорной злонамеренности... кредитных учреждений»⁵⁵.

Важной мерой, направленной на борьбу со спекуляцией на курсе кредитного рубля, стал закон от 29 марта 1893 г. «Об обложении кредитных билетов таможенной пошлиною». Таким образом, Министерство финансов пыталось воздействовать на кредитные учреждения с целью удержания их от

⁵⁴ ПСЗ-III. Т. 4. СПб., 1887. № 2249. С. 307–312.

⁵⁵ РГИА, ф. 1287, оп. 9, д. 3450, л. 2–2 об.

спекулятивной высылки русских рублей за границу. По новому закону, который вводился в виде временной меры до 1 января 1894 г., государственные кредитные билеты облагались таможенной пошлиной в размере 1 коп. за каждые 100 руб.⁵⁶

Очередным шагом, направленным против биржевой спекуляции, стал принятый 8 июня 1893 г. закон «О воспрещении некоторых сделок по покупке и продаже золотой валюты, тратт и тому подобных ценностей, писанных на золотую валюту»⁵⁷. Теперь все кредитные учреждения и банкирские заведения подчинялись особому надзору со стороны финансового ведомства. Если в сделках с валютой подозревались кредитные учреждения, то Министерству финансов предоставлялось право требовать от них сведений и объяснений, производить осмотр и проверку их книг и делопроизводства, принимать административные меры для прекращения недозволенных операций. Кроме того, министр финансов мог требовать удаления в трёхмесячный срок директора-распорядителя и членов правления банка от занимаемых ими должностей, запретить производство некоторых активных операций, назначить срок и порядок их ликвидации. К числу таких банковских операций причислялись: продажа выигрышных билетов в рассрочку, перезалог процентных бумаг, приём вкладов на хранение на текущий счёт и на обращение из процентов, а равно открытие специальных текущих счетов⁵⁸. Этим законом Министерство финансов стремилось лишить банки какой-либо возможности спекулировать на курсе рубля. Эти нововведения, необходимые для стабилизации российской валюты, оказались весьма кстати накануне введения золотого обращения в России в 1896—1897 гг.

Наконец, не без влияния банковских крахов 1890-х гг. финансовое ведомство приступило к подготовке закона об упрочении деятельности частных кредитных учреждений, высочайше утверждённого 29 апреля 1902 г.⁵⁹ В отношении акционерных коммерческих банков были существенно изменены прежние узаконения. Во-первых, членам правлений акционерных коммерческих банков, управляющим их делами и служащим в них лицам (кроме членов совета) запрещалось пользоваться в своих банках кредитами (в каком бы то ни было виде). Во-вторых, меньшинство акционеров кредитного учреждения могли возбуждать ходатайства о производстве в отношении него правительственной ревизии. В-третьих, министр финансов мог требовать объяснений от правлений частных банков и назначать их ревизии при ходатайстве не менее $\frac{1}{10}$ части всех их владельцев акций. И хотя министру финансов самому не предоставлялось право назначать правительственные ревизии акционерных коммерческих банков, тем не менее намечалась тенденция к усилению вмешательства правительства в их дела.

⁵⁶ ПСЗ-III. Т. 13. СПб., 1897. № 9461. С. 170—171.

⁵⁷ Там же. № 9741. С. 411—412; № 9742. С. 412—413.

⁵⁸ Там же. № 9741. С. 411—412.

⁵⁹ Там же. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21366. С. 246—248; *Гурьев А.Н.* Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904. С. 247—249.